

«МОЙ СУРОВЫЙ

ДРУГ»

НА ЧЕРНОЙ угольной насыпи нежно пламенеет охала красных цветов. А сверху, с полудночного темного неба, падают листва звезд, похожий на густой скалочный снегопад. Все шире разливается песня за сценой...

Так начинается Московский областной театр юного зрителя рассказ о «Моем суровом друге» (по известной повести Леонида Жарикова). И это впечатляющее начало, как будто написанное на большом полотне скупыми и яркими красками, — уголь, цветы, звезды, — дает верную романтическую настроенность спектаклю о революционной грозе, о беспокойной юности шахтерских детей, первых комсомольцев Донбасса, о становлении сильных, благородных характеров борцов за новую жизнь.

Затаив дыхание, слушает зал. По пятнадцати—шестнадцати лет тем, кто его заполнил. В эти годы особенно охотно веришь той пленяющей воображение иллюзии жизни, которую создает театр, и особенно горько бывает увидеть вдруг, что цветы-то, оказывается, не живые, а бумажные...

О радостях и разочарованиях, испытанных в зале театра на инсценировке «Повести о настоящем друге» Л. Жарикова, и пойдет речь...

Любая инсценировка и заманчива и опасна. Она ведет к неожиданным интересным открытиям в искусстве, казалось бы, освоенном ху-

дожником материале и сопряжена с неизбежными потерями. Язык драматургии и театра располагает любыми выразительными возможностями, чем язык литературы. Полюбившиеся герои известной книги как бы ступают на необжитую, новую землю, где найдешь их слово, пауза, жест получают особый смысл, особую силу, ибо многие сотни страниц надо уложить в двух-трехчасовое действие. Требуется высокое мастерство и авторов инсценировки, и режиссеров, и актеров, чтобы театр стал для героев таким же родным домом, как роман или повесть.

Книга Л. Жарикова хорошо знакома читателям. В этом зволнованном, правдивом рассказе о тяжелом детстве горняцких сыновей и дочерей в дереволучном Донбассе, о юности, которая закипала в огне революции и гражданской войны, любовно и мастерски выписаны обаятельные характеры детей. Повесть насыщена поэзией и лиризмом мальчишеской дружбы, подчас суровой, как союз воинов, а иногда сдержанно-нежной, как любовь братьев.

К сожалению, в инсценировке (авторы Л. Жариков и А. Бородин) не чувствуется этого лиризма, этой поэзии мальчишеской дружбы; инсценировка «суше» книги.

Объясняется это в некоторой степени тем, что отношения героев — Васи и Ленки, очерчены в пье-

се менее точно и глубоко, чем в повести. Тема их дружбы (такая емкая в книге) то и дело отступает на второй план, чувствуется, заглушается не в меру громкими голосами взрослых действующих лиц. Особенно бледно выписан в инсценировке образ Ленки.

В повести Л. Жарикова — это герой, от имени которого идет повествование; строй его мыслей и чувств, его ясное, не по-детски суровое восприятие мира ярко и интересно окрашивают повесть. Образ этот ставил перед авторами особенно сложные творческие задачи. К сожалению, Л. Жариков и А. Бородин механически перенесли Ленку из одного вида искусства в другой, при этом было в значительной мере утеряно Ленинское духовное богатство... А это, разумеется, не могло не обеднить и образ «сурового друга» — Васи.

Роли юных героев в театре талантливо исполняют артистки И. Суринова и И. Хрусталева. Они делают все, чтобы наполнить жизнью, мальчишеским обаянием потускневшие при инсценировке образы. Часто это им удается. Очень хороша и Д. Важенина в роли Абдулки.

Можно уверенно сказать, что эти три актрисы являются душой спектакля. В их работе много наблюдательности, фантазии, темперамента. Сцены, в которых участвуют все трое: «Пленение кадета», «Доро-

гой товарищ», «Первый урок», — лучшие в спектакле, это живые цветы искусства.

Рядом с детьми — более пятнадцати взрослых действующих лиц. Спектакль как бы распадается на два ряда сцен: первый, где царят дети, радует и волнует, второй, в котором тон задают взрослые, вызывает тягостное ощущение скуки. Между детьми и взрослыми в спектакле нет того живого и глубокого, формирующего юные характеры общения, которое есть в книге. Впечатление обособленности этих двух групп друг от друга (маленькой «детской» и многочисленной «взрослой») усиливается еще и вот чем. Насколько своеобразно и свежо выглядят на сцене дети, настолько банальны и бездушны взрослые персонажи. К сожалению, ни одна «взрослая» роль не отмечена печатью актерских исканий или внутренней взволнованности.

Та романтическая окрашенность, которую режиссер-постановщик В. Фридман стремился сообщить этой новой работе театра, меркнет, когда на сцену выходят взрослые, и расцветает, как только собираются вместе дети. Это не только Вася, Ленка и Абдулка, но и Тонька (А. Кулешова), Илюха (А.

Топчий), Сеня Цыбуля (Л. Щепалина).

Думается, что основой причиной таких творческих просчетов является весьма искусственное, а порой и сумбурное композиционное построение инсценировки и спектакля.

Авторы инсценировки и режиссер, видимо, стремились создать своеобразную эпопею, некую «героическую юношескую симфонию». Но, как известно, симфоническое построение отнюдь не исключает композиционной стройности. В спектакле же — бесконечное чередование картин: их около двадцати. К тому же они порой оторваны друг от друга сюжетно и тематически. И все это воспринимается в конце концов, как результат не очень строгого художественного отбора. Некоторые картины идут при затемненном освещении и сопровождаются оглушительными шумовыми эффектами, что еще больше утомляет зрителей.

«Мой суровый друг» поставлен Московским областным ТЮЗом к 40-летию комсомола. Лучшие сцены спектакля, яркие, свежие, показывают, что коллектив театра может улучшить эту работу, а в дальнейшем порадовать юных зрителей Подмосковья новыми, более совершенными спектаклями о нашей замечательной молодежи.

Е. БОГАТ.

Ленинское знамя
23 ноября 1958